

1775–1817

Вирджиния Вулф

«Остин — лучшая художница среди женщин. Дар беспощадного сатирика сочетается у нее с глубоко скрытой лиричностью. Она не морализатор и не проповедник, она — истинный художник. Иногда кажется, что ее герои порождены ею лишь для того, чтобы дать ей высочайшее удовольствие снести им головы. Она гоняет их... фразой-хлыстом, и эта же фраза, подобно резу, навечно очерчивает их силуэты».

классика
В
кармане

классика в кармане

Д.Ж. ОСТИН

классика
в кармане

Гордость и гордыня

Д.Ж. ОСТИН

классика
в кармане

«Джейн Остин называют Шекспиром в прозе. Ее удивительное драматическое чувство сродни этому высочайшему свойству Шекспира... По силе... характеров Шекспир нашел в Джейн Остин младшую сестру».

Джордж Генри Льюис

«Юмор был самым драгоценным ее свойством... Ее интересовало обыкновенное... Однако благодаря остроте зрения, иронии и остроумию, всё, что она писала, было необыкновенно».

Сомерсет Моэм

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Д.Ж. ОСТИН

Гордость и гордыня

Гордость и гордыня

*классика
в кармане*

Дж. ОСТИН

Гордость и гордыня

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4)
О-76

Проект Д. Е. Веселова
Вступительная статья *В. Вулф*
Перевод вступительной статьи *И. М. Бернштейн*
Примечания *И. С. Веселовой*

Печатается по изданию:
Остен Дж. Гордость и гордыня / пер. с англ. И. Г. Гуровой. – М. : АСТ, 1999.

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Чарльза Хей-Вуда «Любовь победит»,
Озиаса Хамфри «Портрет Джейн Остин»

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

ОСТИН Джейн
Гордость и гордыня

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Е. М. Залипаева*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 28.11.2012. Формат 76x100/32.
Усл. печ. л. 16, 88. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А.
Тел. (495) 984-35-23; e-mail: office@bmm.ru
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: cor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-507-8 (БММ)
ISBN 978-966-14-4707-2 (КСД)

© И. С. Веселова, составление, 2013
© И. Гурова, наследники,
перевод на русский язык, 2013
© И. М. Бернштейн, перевод
вступительной статьи, 2013
© Nemigo Ltd, 2013
© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Вирджиния Вулф

*Джейн Остен*¹

Если бы мисс Кассандра Остен выполнила до конца свое намерение, нам бы, наверно, не осталось от Джейн Остен ничего, кроме романов. Она вела постоянную переписку только со старшей сестрой; с ней одной делилась своими надеждами и, если слух правдив, своим единственным сердечным горем. Но на старости лет мисс Кассандра Остен увидела, что слава ее сестры все растет и в конце концов еще, глядишь, настанет такое время, когда чужие люди начнут интересоваться и исследователи изучать, поэтому она скрепя сердце взяла да и сожгла все письма, способные удовлетворить их любопытство, оставив лишь те, которые сочла совершенно пустяковыми и неинтересными.

Потому мы знаем о Джейн Остен немного из каких-то пересудов, немного из писем и, конечно, из ее книг. Что до пересудов, то сплетни, пережившие свое время, это уже не просто презренная болтовня, в них надо слегка разобраться, и получится ценнейший источник сведений. Вот, например: «Джейн вовсе не хороша и ужасно чопорна, не скажешь, что это девочка двенадцати лет... Джейн ломается и жеманничает» — так пишет о своей кузине маленькая Филадельфия Остен. С другой стороны, есть миссис Митфорд, которая знала сестер Остен девочками и утверждает, что Джейн — «самая очаровательная, глупенькая и кокетливая стрекоза и охотница за женихами», каких ей случалось в жизни видеть. Есть еще безымянная приятельница миссис Митфорд, она «теперь у нее бывает» и находит, что из нее выросла «прямая, как палка, серьезная и молчаливая фанатичка», и что до публикации «Гордости и предубеждения», когда весь свет

¹ Печатается по: Эти загадочные англичанки. — М. : Рудомино, Текст, 2002. Фамилия писательницы и названия ее произведений приводятся так же, как в источнике.

узнал, какой бриллиант запряган в этой несгибаемости, в обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу или каминный экран... «Теперь-то, конечно, другое дело, — продолжает добрая женщина, — она по-прежнему осталась кочергой, но этой кочерги все боятся...»

«Острый язычок и проницательность, да притом еще себе на уме — это поистине страшно!» Имеются, впрочем, еще и сами Остены, племя, не слишком-то склонное одаривать друг друга панегириками, но тем не менее мы узнаем от них, что «братья очень любили Джейн и очень гордились ею. Их привязывали к ней ее талант, ее добродетель и нежное обращение, и в последующие годы каждый льстил себя мыслью, что он видит в своей дочери или племяннице какое-то сходство с дорогой сестрой Джейн, с которой полностью сравниться, конечно, никто никогда не сможет». Очаровательная и несгибаемая, пользующаяся любовью домашних и внушающая страх чужим, острая на язык и нежная сердцем — эти противоположности вовсе не исключают одна другую, и если обратиться к ее романам, то и там мы наткнемся на такие же противоречия в облике автора.

Во-первых, этой чопорной девочке, про которую Филадельфия писала, что она совсем не похожа на двенадцатилетнего ребенка, а ломается и жеманничает, как большая, предстояло вскоре стать автором на диво детской повести под названием «Любовь и дружба», которую она написала, как это ни удивительно, пятнадцати лет от роду. Написала, по видимому, просто для развлечения братьев и сестер, вместе с которыми обучалась наукам в классной комнате. Одна глава снабжена шуточно-велеречивым посвящением брату; другая иллюстрирована акварельными портретами, сделанными сестрой. Шутки в ней семейные, лучше всего понятные именно домашним, — сатирическая направленность особенно ясна как раз потому, что все юные Остены насмешливо относились к чувствительным барышням, которые, «испустив глубокий вздох, падают в обморок на диван».

То-то, должно быть, покатывались со смеху братья и сестры, когда Джейн читала им новую сатиру на этот гнусный порок: «Увы, я умираю от горя, ведь я потеряла возлюбленного моего Огастеса! Один роковой обморок стоил мне целой жизни. Остерегайся обмороков, любезная Лора, впадай

*Джейн Остен — очаровательная и несгибаемая,
пользующаяся любовью домашних
и внушающая страх чужим,
острая на язык и нежная сердцем.*

в бешенство сколько тебе будет угодно, но не теряй сознания...» И дальше в том же духе, едва поспевая писать и не поспевая соблюдать правописание. Она повествует о невероятных приключениях Лоры и Софьи, Филендера и Густавуса, о джентльмене, который через день гонял карету между Эдинбургом и Стерлингтом, о сокровище, выкраденном из ящика стола, о матерях, умирающих с голоду, и сыновьях, выступающих в макбетовской роли.

То-то, должно быть, хохотала вся классная комната. Тем не менее совершенно очевидно, что эта девочка-подросток, сидя отдельно от всех в углу гостиной, писала не для забавы братьев и сестер и вообще не для домашнего потребления. То, что она писала, предназначалось всем и никому, нашему времени и времени, в которое она жила; иными словами, уже в таком раннем возрасте Джейн Остен была писательницей. Это слышно в ритме, в законченности и компактности каждой фразы. «Она была всего лишь благодушная, воспитанная и любезная девица, так что не любить ее было не за что, мы ее только презирали». Такой фразе предназначено пережить рождественские каникулы. Живая, легкая, забавная, непринужденная почти до абсурда, вот какой получилась книга «Любовь и дружба»; но что за нота слышится в ней повсеместно, не сливаясь с другими звуками, отчетливая и пронзительная? Это звучит насмешка. Пятнадцатилетняя девочка из своего угла смеется над всем миром.

Девочки в пятнадцать лет всегда смеются. Прыскают в кулак, когда мистер Бинни сыплет в чашку соль вместо сахара. И просто помирают со смеху, когда миссис Томкинс садится на кота. Но еще минута, и они раздражаются слезами. Они еще не заняли окончательной позиции, с которой видно, как много смешного в человеческой природе и какие черты в людях всегда достойны осмеяния. Они не знают, что надутая обидчица леди Гревиль и бедная обиженная Мария присутствуют на каждом балу. А вот Джейн Остен это знала, знала с самого рождения. Должно быть, одна из фей, которые садятся на край колыбели, успела полетать с ней и показать ей мир, едва она появилась на свет. И после этого дитя уже не только знало, как выглядит мир, но и сделало свой выбор, уловившись на том, что получит власть над одной областью

и не будет покушаться на остальные. Вот почему к пятнадцати годам у нее уже было мало иллюзий насчет других людей и ни одной — насчет самой себя. То, что выходит из-под ее пера, имеет законченную, отточенную форму и соотносено не с пасторским домом, а со всей вселенной. Писательница Джейн Остен держится объективно и загадочно. Когда в одном из самых интересных описаний она приводит слова заносчивой леди Гревиль, в ее письме нет и следа обиды, которую пережила когда-то Джейн Остен — дочь приходского священника. Ее взгляд устремлен точно в цель, и мы достоверно знаем, в какое место на карте человеческой природы она бьет. Знаем, потому что Джейн Остен выполняла уговор и не выходила за поставленные пределы. Никогда, даже в нежном пятнадцатилетнем возрасте, не испытывала она укоров совести, не притупляла острия своей сатиры состраданием, не замутняла рисунка слезами восторга. Восторг и сострадание, как бы говорит она, указывая тростью, кончатся вон там; и граница проведена очень ясно.

Впрочем, она не отрицает существования лун, горных пиков и старинных замков — по ту сторону. У нее даже есть своя любимая романтическая героиня — королева шотландцев Мария Стюарт. Ею она восхищается всерьез и от души. «Это выдающийся характер, обаятельная принцесса, у которой при жизни только и было друзей что один герцог Норфолк, а в наше время — мистер Уитакер, миссис Лефрой, миссис Найт да я». Так, несколькими словами, она точно очертила свое пристрастие и улыбкой подвела ему итог. Забавно вспомнить, в каких выражениях совсем немного спустя молодые сестры Бронте в своем северном пасторском доме писали про герцога Веллингтона.

А чопорная девочка росла и сделалась «самой очаровательной, глупенькой и кокетливой стрекозой и охотницей за женихами», каких случалось в жизни видеть доброй миссис Митфорд, а заодно и автором романа «Гордость и предубеждение», который был написан украдкой, под охраной скрипучей двери, и много лет лежал неопубликованный. Вскоре вслед за тем она, по-видимому, начала следующий роман, «Уотсоны», но он чем-то ее не удовлетворял и остался неоконченным. Плохие работы хороших писателей уже потому

заслуживают внимания, что в них отчетливее заметны трудности, с какими сталкивается автор, и хуже замаскированы методы, которыми он их преодолевает. Прежде всего по краткости и обнаженности первых глав видно, что Джейн Остен принадлежит к тем писателям, которые сначала довольно схематично излагают обстоятельства действия, с тем чтобы потом еще и еще раз к ним возвращаться, облачать их в плоть и создавать настроение. Какими способами она бы это сделала — о чем умолчала бы, что добавила, как исхитрилась, — теперь не скажешь. Но в итоге должно было свершиться чудо: из скучной четырнадцатилетней хроники семейной жизни опять получилась бы восхитительная и, на взгляд читателя, такая непринужденная экспозиция к роману; и никто бы не догадался, через сколько рабочих черновиков проволочка Джейн Остен свое перо. Тут мы собственными глазами убеждаемся, что она вовсе не волшебница. Как и другим писателям, ей необходимо создать обстановку, в которой ее своеобразный гений может приносить плоды. Происходят заминки, затяжки, но вот наконец все получилось, и теперь действие свободно течет так, как ей нужно. Эдвардсы едут на бал; мимо катит карета Томлинсонов; мы читаем, что «Чарльз получил перчатки и с ними наставление не снимать их весь вечер»; Том Мазгроув с бочонком устриц, довольный, уединяется в отдаленном углу. Гений писательницы вырвался на свободу и заработал. И сразу острее становится наше восприятие, повествование нас захватывает, как способно захватить только то, что создано ею. А что в нем? Бал в провинциальном городке; движутся несколько пар, то расходясь, то берясь за руки; немножко пьют, немножко закусывают; а верх драматизма — в том, что молодому человеку дает свысока острастку одна барышня и выказывает доброту и участие другая. Ни трагедии, ни героизма. И тем не менее эта небольшая сцена оказывается гораздо трогательнее, чем представляется на поверхностный взгляд. Мы верим, что Эмма, так поступившая на балу, в более серьезных жизненных ситуациях, с которыми ей неизбежно еще предстоит, как мы видим, столкнуться, и по давню будет нежной, внимательной и полной искреннего чувства. Джейн Остен умеет выражать гораздо более глубокие переживания, чем кажется. Она

ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен действительно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина.

И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях подобного человека, когда он меняет местожительство, вышеупомянутая истина так прочно гнездится в умах его новых соседей, что с первой же минуты они смотрят на него как на законную собственность той или иной из их дочерей.

— Мой дорогой мистер Беннет, — в один прекрасный день объявила супруга означенного джентльмена, — вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец-то арендовали?

Мистер Беннет ответил, что ничего об этом не слышал.

— Но да, да! Миссис Лонг только что побывала у нас и все мне рассказала.

Мистер Беннет безмолвствовал.

— Неужто вам не хочется узнать, кто там поселился? — нетерпеливо осведомилась его дражайшая половина.

— Зато вам хочется сообщить мне эту новость, и я готов ее выслушать.

— Так вот, мой друг, миссис Лонг говорит, что Недерфилд-Парк арендовал молодой человек с очень большим состоянием, проживающий на севере Англии. В понедельник он приезжал в коляске четверней осмотреть поместье и пришел в такой восторг, что тут же согласился на все условия мистера Морриса, и переедет он туда еще

до Михайлова дня¹, а некоторых слуг пришлет уже в конце будущей недели.

— Как его фамилия?

— Бингли.

— Женат или холост?

— Ах, мой друг, разумеется, холост. Холостой молодой человек с большим состоянием. Четыре-пять тысяч годового дохода. Какое счастье выпало нашим девочкам!

— Каким образом? При чем здесь они?

— Мой дорогой мистер Беннет, — воскликнула его супруга, — будто вы не знаете! Разумеется, вы поняли, что я представила, как он женится на одной из них.

— Во имя этой цели он и решил поселиться здесь?

— Цели? Вздор! Ну что вы такое говорите? Однако очень и очень может быть, что он влюбится в какую-нибудь, а потому вы должны сделать ему визит, едва он переедет.

— Не вижу зачем. Почему бы вам не посетить его вместе с девочками? Или лучше пошлите их к нему одних. Ведь вы так авантажны, что мистер Бингли всем им может предпочесть вас.

— Мой друг, вы мне льстите. Да, разумеется, я была очень недурна собой, но теперь уже не помышляю о том, чтобы пленять. Женщинам с пятью взрослыми дочерьми не пристало думать о собственной красоте.

— Женщины в подобном положении редко сохраняют столько красоты, что о ней стоило бы думать.

— Тем не менее, мой друг, вы непременно должны сразу же побывать у мистера Бингли по его приезду.

¹ День св. Михаила Архангела отмечается в календаре англиканской церкви 29 сентября. Называется праздником Архангелов, или Днем св. Михаила и всех ангелов. Поскольку День св. Михаила близок дню осеннего равноденствия, то считается ритуальным началом осени, связан с окончанием полевых работ и благодарением за урожай. Как и многие другие календарные праздники, служит вехой смены сезонов — в данном случае является днем начала отсчета годовой аренды поместья и днем открытия охоты — времени, которое английские аристократы старались проводить в загородных усадьбах. (*Здесь и далее примеч. сост.*)

— Отнюдь не должен, уверяю вас.

— Но подумайте о своих дочерях. Только вообразите, какая это будет партия для одной из них! Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по одной этой причине. Вы же знаете, они никогда первыми не посещают новых соседей. Нет-нет, вы должны побывать у него, иначе мне с девочками никак нельзя будет отправиться к нему с визитом.

— Право, вы слишком уж строго блюдете этикет. Не сомневаюсь, мистер Бингли будет весьма рад такому знакомству. А я вручу вам для него записку с заверениями в моем полном согласии на его брак с той моей дочерью, которою он удостоит своего выбора. Хотя, пожалуй, я замолвлю словцо за мою малютку Лиззи.

— Прошу вас ничего подобного не делать. Лиззи ничем не лучше своих сестер. По моему суждению, она и вполнину не так красива, как Джейн, и вполнину не так очаровательна, как Лидия. Ну да вы всегда отдаете предпочтение ей.

— Ни одна из них ничем особенным не блещет, — возразил ее супруг. — Глупенькие и невежественные, как положено юным барышням. Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц.

— Мистер Беннет, как вы можете так чернить собственных дочерей? Вам нравится поддразнивать меня. Никакого сострадания к моим бедным нервам.

— Вы заблуждаетесь, душа моя. К вашим нервам я питаю самое глубокое почтение. Ведь они мои давние друзья. Вот уже по меньшей мере двадцать лет, как с такой попечительностью вы упоминаете о них.

— Ах, вы не понимаете моих страданий!

— Но, уповаю, вы совладеете с ними и доживете до того, чтобы увидеть, как в окрестностях поселится еще много молодых людей с годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

— Что толку нам, поселись их тут хоть двадцать, если вы не пожелаете сделать им визиты?

— Уверяю вас, душа моя, когда их наберется двадцать, я побываю у каждого из них.

Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, сдержанность и чудаковатость, что двадцати трех лет жизни с ним оказалось мало, чтобы жена научилась его понимать. А вот ее сущность постигнуть было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным характером. Если ей что-то досаждало, она впадала в нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих дочерей, а радостями — визиты и пересуды.

ГЛАВА II

Мистер Беннет нанес визит мистеру Бингли одним из первых. Он с самого начала намеревался побывать у него, хотя до последней минуты убеждал жену, что делать это ему совсем не следует. И она пребывала в полном неведении до вечера того дня, когда визит был нанесен. И вот как она узнала об этом событии. Поглядев, как его вторая дочь трудится над отделкой своей шляпки, мистер Беннет неожиданно сказал:

— Надеюсь, Лиззи, что она понравится мистеру Бингли.

— Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, а что нет, — сердито сказала мать барышни, — раз в знакомстве с ним нам отказано.

— Но вы забываете, маменька, — сказала Элизабет, — что мы будем встречать его на ассамблеях, а миссис Лонг обещала представить его нам.

— Вот уж не думаю! У миссис Лонг есть две родные племянницы. Она себялюбивая лицемерка, и я о ней самого низкого мнения.

— Как и я, — сказал мистер Беннет. — Рад узнать, что вы не полагаетесь на ее желание услужить вам.

Миссис Беннет не снизошла до ответа, но, не в силах сдержаться, принялась выговаривать одной из дочерей:

— Да не кашляй же так, Китти! Имей хоть чуточку сострадания к моим нервам. Ты их совсем истерзала.

— Китти позволяет себе кашлять, когда ей вздумается, — заметил папенька. — И выбирает она для этого самое неподходящее время.

— Я кашляю не для своего развлечения, — обиженно сказала Китти. — А когда твой следующий бал, Лиззи?

— Через две недели, считая с завтрашнего дня.

— Ведь и правда! — воскликнула маменька. — А миссис Лонг вернется только накануне и, значит, не сможет его нам представить. Она же не успеет сама с ним познакомиться.

— О, тогда, душа моя, почему бы вам не опередить свою дорогую подругу и самой не представить ей мистера Бингли?

— Это невозможно, мистер Беннет, невозможно, коли я сама с ним не знакома. Как несносны ваши поддразнивания!

— Воздаю должное вашей осмотрительности. Бесспорно, две недели знакомства срок слишком краткий. За две недели трудно узнать, каков человек на самом деле. Но, если мы уклонимся, найдутся другие. И, значит, опасность эта не минует миссис Лонг и ее племянниц. А так как она усмотрит в этом добрую услугу, то, если вы решительно против, я окажу ее сам.

Барышни устались на папеньку в недоумении. Миссис Беннет сказала лишь:

— Вздор! Вздор!

— Что означает столь горячее восклицание? — вскричал мистер Беннет. — Вы почитаете вздором строгое соблюдение правил этикета, когда речь идет о новых знакомствах, и важность, им придаваемую? Нет, тут я никак не могу с вами согласиться. А что скажешь ты, Мэри? Ведь ты, как мне известно, очень глубокомысленная девица, почитываешь мудрые книги и делаешь из них выписки.

Мэри очень хотелось сказать что-то на редкость умное, но ей так ничего в голову и не пришло.

— Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, — продолжал папенька, — не вернуться ли нам к мистеру Бингли?

— Я даже имени мистера Бингли больше слушать не желаю, — объявила его супруга.

— Вы меня удручаете. Почему вы прежде меня не предупредили? Знай я об этом нынче утром, так не побывал бы у него с визитом. Очень-очень жаль, но, поскольку визит я ему нанес, нам нельзя будет уклониться от дальнейшего знакомства с ним, не правда ли?

Ошеломление его жены и дочерей не оставляло желать ничего лучшего. И особенно миссис Беннет. Разумеется, едва первые восторги поулеглись, она не преминула указать, что ничего другого и не ожидала.

— Как вы добры, дражайший мистер Беннет! Впрочем, я знала, что в конце концов сумею вас убедить. Знала, что любовь к нашим девочкам не позволит вам пренебречь таким знакомством. Не могу выразить, как я довольна. И какая бесподобная шутка: побывать у него утром, а рассказать об этом только сейчас.

— Теперь, Китти, ты можешь кашлять, когда и сколько пожелаешь, — сказал мистер Беннет и с этими словами удалился, чтобы не слышать излишней своей супруги.

— Какой у вас превосходный отец, девочки, — сказала та, когда дверь за ним затворилась. — Я просто не в силах вообразить, как вы могли бы его отблагодарить за подобную доброту. Да и меня, коли уж об этом зашла речь. В наши годы, позвольте вам сказать, вовсе не так уж приятно каждый день заводить новые знакомства, но ради вас мы жертвуем всем. Лидия, душенька моя, хоть ты и младшенькая, полагаю, мистер Бингли будет непременно танцевать с тобой на следующем балу.

— О! — мужественно сказала Лидия. — Я не боюсь. Пусть я и младшая, зато самая высокая.

Остальной вечер прошел в догадках, как скоро мистер Бингли отдаст визит, и в обсуждении того, когда им следует пригласить его отобедать у них.

ГЛАВА III

Однако миссис Беннет даже с помощью всех пяти дочерей никакими ухищрениями не удалось вытянуть у своего супруга сколько-нибудь внятного описания

наружности мистера Бингли. Они атаковали его и так, и эдак — задавали прямые вопросы, строили всяческие предположения, прибегали к хитроумным догадкам, но он умело избегал всех ловушек, и в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук — от их соседки леди Лукас. Описание оказалось самым лестным. Сэр Уильям был от мистера Бингли в восторге. Он очень молод, удивительно хорош собой, весьма любезен — и, в довершение всего, намерен приехать на следующую ассамблею в сопровождении большого общества. Что могло быть восхитительнее! А любовь к танцам — это же первый шаг, чтобы влюбиться. И вспыхнули живейшие надежды на покорение сердца мистера Бингли.

— Увидеть бы одну мою девочку счастливой хозяйкой Недерфилда, и чтобы остальные сделали партии не хуже — так мне большего и желать было бы нечего.

Не миновало и трех дней, как мистер Бингли приехал с ответным визитом и десять минут просидел с мистером Беннетом в библиотеке. Он питал надежду увидеть барышень, о красоте которых успел наслышаться, но увидел лишь их папеньку. Зато барышням посчастливилось больше, ибо из окна верхнего этажа они могли убедиться, что сюртук на нем голубой, а лошадь под ним вороной масти.

Вскоре вслед за этим было послано приглашение на обед, и миссис Беннет уже обдумывала, какими блюдами потчевать гостя, чтобы не ударить лицом в грязь, но присланный ответ принудил ее отложить свои планы. Мистеру Бингли на следующий день необходимо быть в Лондоне, а потому он вынужден отказаться от их любезного приглашения, и так далее и тому подобное.

Миссис Беннет была весьма обескуражена. Она не могла вообразить, какое дело вдруг призвало его в столицу так скоро после переезда в Хартфордшир. Ее снедали опасения, что он и впредь будет перепархивать туда-сюда, не задерживаясь в Недерфилде подолгу. Ее страхи несколько рассеяла леди Лукас, высказав предположение, что в Лондон он уехал с тем, чтобы пригласить на бал

обещанных гостей, а вскоре пошли слухи, что мистер Бингли прибудет на ассамблею в сопровождении двенадцати дам и семи джентльменов. Такое число дам удручило барышень, однако накануне бала их утешила весть, что из Лондона он привез всего шесть особ женского пола — пять своих сестер и кузину. А в залу собрания их вошло всего пятеро: сам мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел истинным джентльменом. Выражение его лица отличалось большой приятностью, а манеры — мягкостью и непринужденностью. Его сестры, тоже очень недурные собой, держались как особы, принадлежащие к высшему свету. Его шурин, мистер Хёрст, был, разумеется, джентльменом, но ничем не примечательным, однако его друг, мистер Дарси, стал вскоре средоточием всеобщего внимания благодаря высокой стройной фигуре, правильным чертам лица, благородной осанке, а также слуху, который уже через пять минут после его появления успел обежать всю залу — он оказался обладателем годового дохода в десять тысяч фунтов. Мужчины объявили его на редкость представительным, а дамы сочли куда более красивым, чем мистер Бингли, и он оставался предметом всеобщего восхищения примерно половину вечера, но мало-помалу общество почувствовало себя оскорбленным его манерами и разочаровалось в нем; ибо обнаружилось, что он несносный гордец, почитает себя выше всех и ему невозможно угодить. После чего даже обширное поместье в Дербишире не воспрепятствовало заключению, что черты лица у него надменные и неприятные и что он не идет ни в какое сравнение со своим другом.

Вскоре мистер Бингли был уже знаком со всеми в зале, кто хоть что-нибудь значил. Он веселился от души, не пропустил ни одного танца, огорчился, что бал кончился столь рано, и упомянул, что непременно даст бал в Недерфилде. Столь превосходные качества свидетельствовали сами за себя. Какая разница между ним и его другом! Мистер Дарси пригласил на первый танец миссис Хёрст, еще один он протанцевал с мисс Бингли,

Содержание

Вирджиния Вулф. Джейн Остен 3

Гордость и гордыня..... 16